

(афоризмы)

1. Истинный путь идет по канату, который натянут не высоко, а над самой землей. Он предназначен, кажется, больше для того, чтобы о него спотыкаться, чем для того, чтобы идти по нему.
 2. Все человеческие ошибки суть нетерпение, преждевременный отказ от методичности, мнимая сосредоточенность на мнимом деле.
 3. Есть два главных человеческих греха, из которых вытекают все прочие: нетерпение и небрежность. Из-за нетерпения люди изгнаны из рая, из-за небрежности они не возвращаются туда. А может быть, есть только один главный грех: нетерпение. Из-за нетерпения изгнаны, из-за нетерпения не возвращаются.
 4. Многие тени усопших заняты только тем, что лизжут волны реки смерти, потому что она течет от нас и еще сохраняет соленый вкус нашего моря. От отвращения река эта вздымается, начинает течь вспять и несет мертвых назад в жизнь. А они счастливы, поют благодарственные песни и глядят возмущенную реку.
 5. Начиная с определенной точки, возврат уже невозможен. Этой точки надо достичь.
 6. Решающее мгновение человеческого развития длится вечно. Правы поэтому революционные духовные движения, объявляющие все прежнее ничтожным, ибо еще ничего не произошло.
 7. Один из самых действенных соблазнов зла – призыв к борьбе.
 8. Она – как борьба с женщинами, которая заканчивается в постели.
 9. А. очень напыщен, он думает, что весьма преуспел в добре, поскольку, будучи, очевидно, объектом всегда заманчивым, испытывает все больше искушений с совершенно неведомых ему прежде сторон.
 10. А верное объяснение состоит в том, что в него вселился большой бес и прибежала тьма маленьких, чтобы служить большому.
 - 11–12. Различие взглядов, какие могут быть, скажем, на яблоко: взгляд малыша, которому надо вытянуть шею, чтобы только увидеть яблоко на доске стола, и взгляд хозяина дома, который берет яблоко и без труда подает его сотрапезнику.
 13. Первый признак начала познания – желание умереть. Эта жизнь кажется невыносимой, другая – недостижимой. Уже не стыдишься, что хочешь умереть; просишь, чтобы тебя перевели из старой камеры, которую ты ненавидишь, в новую, которую ты только еще начнешь ненавидеть. Сказывается тут и остаток веры, что во время пути случайно пройдет по коридору главный, посмотрит на узника и скажет: «Этого не запирайте больше. Я беру его к себе».
 14. Если бы ты шел по ровной дороге, шел по доброй воле и все же отступал назад, тогда бы дело было пропущено; но поскольку ты взбираешься по отвесному склону, такому отвесному, что снизу ты сам кажешься повисшим на нем, то шаги вспять могут быть вызваны только особенностями почвы, и отчаиваться тебе не следует.
 15. Словно дорога осенью: только ее выметут, как она уже снова покрывается сухими листьями.
 16. Клетка пошла искать птицу.
 17. В этом месте я еще ни разу не был: иначе дышится, ослепительнее, чем солнце, сияет с ним рядом звезда.
 18. Если бы возможно было построить Вавилонскую башню, не взбираясь на нее, это было бы позволено.
 19. Не позволяй злу уверить тебя, что у тебя могут быть тайны от него.
 20. Леопарды врываются в храм и выпивают до дна содержимое жертвенных сосудов; это повторяется снова и снова, и в конце концов это может быть предусмотрено и становится частью обряда.
 21. Так крепко, как рука держит камень. А держит она его крепко лишь для того, чтобы швырнуть его как можно дальше. Но дорога приведет и в ту даль.
 22. Ты – это задача. Ни одного ученика кругом.
 23. При настоящем противнике в тебя вселяется безграничное мужество.
 24. Понять, какое это счастье, что почва, на которой ты стоишь, не может быть больше, чем способны покрыть две твои ступни.
 25. Как можно радоваться миру? Разве только если убегаешь в него.
 26. Укрытиям нет числа, спасение лишь в одном, но возможностей спасения опять-таки столько же, сколько укрытий.
- Есть цель, но нет пути; то, что мы называли путем, – это промедление.
27. Делать отрицательное – это на нас еще возложено; положительное дано нам уже.

28. Стоит лишь пустить в себя зло, как оно уже не требует, чтобы ему верили.

29. Задние мысли, с которыми ты впускаешь в себя зло, – это не твои мысли, а зла.

Животное отнимает плетку у хозяина и стегает себя, чтобы стать хозяином, но оно не знает, что это – только фантазия, вызванная новым узлом на плетке хозяина.

30. Добро в каком-то смысле безотрадно.

31. К самообладанию я не стремлюсь. Самообладание означает хотеть действовать в каком-то случайном месте бесконечных излучений моей духовной личности. А уж если приходится замыкать себя такими кругами, то предпочитаю делать это бездейтельно, просто дивясь этой чудовищной совокупности и унося домой лишь подкрепление, которое, e contrario, дает этот взгляд.

32. Вороны утверждают, что одна-единственная ворона способна уничтожить небо. Это не подлежит сомнению, но не может служить доводом против неба, ибо небо-то как раз и означает невозможность ворон.

33. Мученики не недооценивают тела, они стараются возвысить его на кресте. В этом они едины со своими противниками.

34. Его усталость – это усталость гладиатора после боя, его работа состояла в том, что он белил угол канцелярского помещения.

35. Нет обладания, есть только бытие, только жаждущее последнего вздоха, жаждущее задохнуться бытие.

36. Раньше я не понимал, почему не получаю ответа на свой вопрос, сегодня не понимаю, как мог я думать, что можно спрашивать. Но я ведь и не думал, я только спрашивал.

37. Его ответом на утверждение, что он, может быть, и владеет, но не существует, были только дрожь и сердцебиенье.

38. Некто удивлялся тому, как легко ему идти путем вечности; а он стремглав несся по этому пути вниз.

39а. Злу нельзя платить в рассрочку – а непрестанно пытаются.

Можно допустить, что Александр Великий, несмотря на военные успехи своей молодости, несмотря на отличное войско, которое он создал, несмотря на устремленные изменить мир силы, которые он в себе чувствовал, остановился бы у Геллеспонта и никогда не переступил бы его, причем не от страха, не от нерешительности, не из-за слабой воли, а из-за земной тяжести.

39б. Путь бесконечен, тут ничего не убавишь, ничего не прибавишь, и все же каждый прикладывает к нему свой детский аршин. «Конечно, ты должен пройти еще этот аршин пути, это тебе зачтется».

40. Только наше понятие о времени заставляет нас называть Страшный суд именно так, по сути, это военно-полевой суд.

41. Несообразность мира кажется, к утешению, лишь количественной.

42. Опустить на грудь голову, полную отвращения и ненависти.

43. Охотничьи собаки еще играют во дворе, но дичь от них не уйдет, сколько бы уже сейчас ни металась она по лесам.

44. Смешно оснастился ты для этого мира.

45. Чем больше ты впряжешь лошадей, тем скорее пойдет дело – то есть не скорее вырвешь из фундамента глыбу – это невозможно, – а скорее порвешь ремни и поедешь весело налегке.

46. Слово «быть» (sein) обозначает на немецком языке и существование, и принадлежность кому-то.

47. Им было предоставлено на выбор стать царями или гонцами царей. По-детски все захотели стать гонцами. Поэтому налицо одни гонцы, они носятся по миру и за отсутствием царей сами сообщают другу другу вести, которые стали бессмысленны. Они бы рады покончить со своей несчастной жизнью, но не осмеливаются из-за присяги.

48. Верить в прогресс не значит верить, что прогресс уже состоялся. Это не было бы верой.

49. А. – виртуоз, и небо его свидетель.

50. Человек не может жить без постоянного доверия к чему-то нерушимому в себе, причем и это нерушимое, и это доверие могут долго оставаться для него скрыты. Одно из проявлений этой скрытости – вера в личного бога.

51. Нужно было посредничество змея: зло может соблазнить человека, но не может стать человеком.

52. В борьбе между тобой и миром будь секундантом мира.

53. Никого нельзя обманывать, в том числе и мир, насчет его победы.

54. Нет ничего другого, кроме духовного мира; то, что мы называем чувственным миром, есть зло в мире духовном, а то, что мы называем злом, есть лишь необходимость какого-то момента нашего вечного развития.

Сильнейшим светом можно упразднить мир. Перед слабыми глазами он становится тверд, перед еще более слабыми у него появляются

кулаки, перед еще более слабыми он становится стыдлив и уничтожает того, кто отваживается взглянуть на него.

55. Всё обман: искать минимума заблуждений, оставаться при обыкновенном, искать максимума. В первом случае обманываешь добро, чересчур облегчая себе его достижение, и зло, ставя ему слишком невыгодные условия борьбы. Во втором случае обманываешь добро, даже не стремясь к нему, стало быть, в земных делах. В третьем случае обманываешь добро, как можно дальше от него удаляясь, и зло, надеясь обессилить его преувеличением. Предпочесть следовало бы, значит, второй случай, ибо добро обманываешь всегда, а зло в этом случае не обманываешь хотя бы с виду.

56. Есть вопросы, мимо которых мы не смогли бы пройти, если бы от природы не были освобождены от них.

57. Все, что вне чувственного мира, язык может выразить только намеками, но никак не сравнениями, даже и приблизительно, потому что язык, в соответствии с чувственным миром, тоскует только об обладании и о том, что с таковым связано.

58. Лгут меньше всего, когда меньше всего лгут, а не тогда, когда для этого меньше всего поводов.

59. Лестничная ступенька, не вытоптанная ногами, есть сама по себе нечто деревянное, грубо сколоченное.

60. Кто отрекается от мира, должен любить всех людей, ибо он отрекается и от их мира. Тем самым он начинает догадываться об истинной человеческой сути, которую нельзя не любить, если предположить, что ты ей соответствуешь.

61. Кто в мире любит своего ближнего, совершает не большую и не меньшую несправедливость, чем тот, кто любит в мире себя самого. Остается только вопрос, возможно ли первое.

62. Тот факт, что нет ничего другого, кроме духовного мира, отнимает у нас надежду и дает нам уверенность.

63. Наше искусство – это ослепленность истиной: истинен только свет на отпрянувшем с гримасой лице, больше ничего.

64/65. Изгнание из рая в главной своей части вечно. То есть хотя изгнание из рая окончательно и жизнь в мире неминуема, однако вечность этого процесса (или, выражаясь временными категориями, – вечная повторяемость этого процесса) дает нам все же возможность не только надолго оставаться в раю, но и в самом деле там находиться, независимо от того, знаем ли мы это здесь или нет.

66. Он свободный и защищенный гражданин земли, ибо посажен на цепь достаточно длинную, чтобы дать ему доступ ко всем земным пространствам, и все же длинную лишь настолько, чтобы ничто не могло вырвать его за пределы земли. Но в то же время он еще и свободный и защищенный гражданин неба, ибо посажен еще и на небесную цепь, рассчитанную подобным же образом. Если он рвется на землю, его душит ошейник неба, если он рвется в небо – ошейник земли. И тем не менее у него есть все возможности, и он это чувствует; более того, он даже отказывается объяснять все это первоначальной оплошностью.

67. Он бежит вслед за фактами, как начинающий конькобежец, который к тому же упражняется в таком месте, где это запрещено.

68. Что радостнее, чем вера в бога домашнего очага!

69. Теоретически существует полнейшая возможность счастья: верить в нечто нерушимое в себе и не стремиться к нему.

70/71. Нерушимое едино; оно – это каждый отдельный человек, и в то же время оно всеобщее, отсюда беспримерно нерасторжимая связь людей.

72. В одном и том же человеке есть опыт, который при полной своей неодинаковости имеет все-таки один и тот же объект, а из этого следует, что в одном и том же человеке не может не быть разных субъектов.

73. Он жрет отбросы с собственного стола; благодаря этому он, правда, какое-то время более сыт, чем все, но он отучается есть сидя за столом; а из-за этого потом перестают поступать и отбросы.

74. Если то, что будто бы уничтожилось в раю, поддавалось уничтожению, значит, решающего значения оно не имело; а если не поддавалось, то, значит, мы живем в ложной вере.

75. Проверь себя на человечестве. Сомневающегося оно заставляет сомневаться, верящего – верить.

76. Это чувство: «здесь я не брошу якорь» – и сразу почувствовать катящиеся, несущие волны вокруг себя!

В обход. Крадучись, робея, надеясь, обходит ответ вопрос, в отчаянье вглядывается в его неприступное лицо, следует за ним самыми бессмысленными, то есть как можно дальше уводящими от ответа путями.

77. Общение с людьми совращает к самоанализу.

78. Дух лишь тогда делается свободным, когда он перестает быть опорой.

79. Чувственная любовь скрывает небесную; в одиночку ей это не удалось бы, но поскольку она неосознанно содержит в себе элемент небесной любви, это ей удается.

80. Истина неразделима, значит, она сама не может узнать себя; кто хочет узнать ее, должен быть ложью.

81. Никто не может желать того, что ему в конечном счете во вред. Если, однако, от отдельного человека складывается иное впечатление, – а оно складывается, возможно, всегда, – то объясняется это тем, что кто-то в человеке желает чего-то, что этому кому-

то, правда, на пользу, но кому-то другому, кто привлекается разве что для оценки данного случая, сильно вредит. Если бы человек с самого начала, а не только при оценке, стал на сторону этого второго, то первое «кто-то» угасло бы, а с ним и желание.

82. Почему мы ропщем на грехопадение? Не из-за него изгнаны мы из рая, а из-за дерева жизни, чтобы нам не есть от него.

83. Грешны мы не только тем, что ели от дерева познания, но и тем, что еще не ели от дерева жизни. Грешно состояние, в котором мы пребываем, независимо от вины.

84. Мы были созданы, чтобы жить в раю, рай был предназначен для того, чтобы служить нам. Наше назначение было изменено; что это случилось и с назначением рая, не говорится.

85. Зло – это излучение человеческого сознания в определенных переходных положениях. Иллюзия – это, в сущности, не чувственный мир, а его зло, которое, однако, для наших глаз и составляет чувственный мир.

86. С момента грехопадения мы, по сути, равны в способности распознавать добро и зло; тем не менее именно тут ищем мы особые свои преимущества. Но действительные различия начинаются лишь по ту сторону этого распознавания. Видимость противоположности вызывается вот чем: никто не может удовлетвориться одним распознаванием, а должен стараться действовать в соответствии с таковым. Но на это ему не дано силы, а потому он должен надрываться, даже рискуя все равно не обрести нужной силы, ему просто ничего другого, кроме этой последней попытки, не остается. (Таков смысл угрозы смертью при запрете есть от дерева познания; таков, может быть, и первоначальный смысл естественной смерти.) Перед этой попыткой он испытывает страх; он предпочел бы взять назад распознавание добра и зла (название «грехопадение» идет от этого страха); но случившееся нельзя взять назад, а можно только замутить. Для этой цели возникают мотивации. Весь мир полон их, больше того, весь видимый мир – это, может быть, не что иное, как мотивация человека, который хочет минуты покоя. Попытка фальсифицировать факт распознавания, выставить распознавание лишь целью.

87. Вера – как топор гильотины, так же тяжела, так же легка.

88. Смерть перед нами – примерно как картина на стене класса, изображающая битву Александра Македонского. Все дело в том, чтобы еще в этой жизни затмить картину своими деяниями или совсем погасить.

89. У человека есть свобода воли, причем тройкая. Во-первых, он был свободен, когда пожелал этой жизни; теперь он, правда, уже не может взять ее назад, ибо он уже не тот, кто тогда хотел ее, тот он лишь в той мере, в какой, живя, исполняет свою тогдашнюю волю.

Во-вторых, он свободен, поскольку может выбрать манеру ходьбы и путь этой жизни.

В-третьих, он свободен, поскольку тот, кто некогда будет существовать снова, обладает волей, чтобы заставить себя при любых условиях идти через жизнь и таким способом прийти к себе, причем дорогой хоть и избираемой, но настолько запутанной, что она ни одной дольки этой жизни не оставляет нетронутой.

Это тройкость свободной воли, но это ввиду одновременности и одинаковости, одинаковость по сути в такой степени, что не остается места для воли, ни свободной, ни несвободной.

90. Две возможности: делать себя бесконечно малым или быть им. Второе – завершение, значит, бездеятельность, первое – начало, значит, действие.

91. Во избежание словесной ошибки: что следует деятельно разрушить, то надо сперва крепко схватить; что крошится, то крошится, но разрушить это нельзя.

92. Первое идолопоклонство было, конечно, страхом перед вещами, а в связи с этим – страхом перед необходимостью вещей, а в связи с этим – страхом перед ответственностью за вещи. Ответственность эта казалась такой чудовищной, что ее не осмеливались возложить даже на какое-то единичное внечеловеческое существо, ибо и посредничество какого-то существа еще не облегчило бы человеческую ответственность в достаточной степени, общение только с одним существом было бы еще слишком отягощено ответственностью, поэтому на каждую вещь возложили ответственность за себя самое, более того, на эти вещи возложили еще и относительную ответственность за человека.

93. В последний раз психология!

94. Две задачи начала жизни: все больше ограничивать свой круг и постоянно проверять, не спрятался ли ты где-нибудь вне своего круга.

95. Зло бывает порой в руке, как орудие; узанное или неузнанное, оно, не перечая, позволяет отложить себя в сторону, если есть воля на то.

96. Радости этой жизни суть не ее радости, а наш страх пред восхождением в высшую жизнь; муки этой жизни суть не ее муки, а наше самобичевание из-за этого страха.

97. Только здесь страдать – это страдать. Не в том смысле, что те, кто страдает здесь, где-то в другом месте из-за этого страдания будут возвышены, а в том смысле, что то, что именуется в этом мире страданием, в другом мире не изменяется, а только освобождено от своей противоположности, блаженства.

98. Представление о бесконечной широте и полноте космоса есть результат доведенного до крайности смешения многотрудного созидания со свободным волеизъявлением.

99. Насколько тягостнее самой неумолимой убежденности в нашем теперешнем греховном состоянии, даже самая слабая убежденность в будущем, вечном оправдании нашей брэнности. Только сила, с какой переносишь эту вторую убежденность, – а она в своей чистоте полностью охватывает первую – есть мера веры.

Иные полагают, что помимо большого изначального обмана устраивают еще в каждом случае, специально для них, маленький особый обман, что, стало быть, когда на сцене играется любовная пьеса, у актрисы, кроме лживой улыбки для своего возлюбленного, есть еще особенно коварная улыбка для вполне определенного зрителя на галерке. Это значит заходить слишком далеко.

100. Может быть знание о дьявольщине, но не может быть веры в нее, ибо больше дьявольщины, чем налицо, не бывает.

101. Грех всегда приходит открыто и ощущается сразу. Он уходит на своих корнях, и его не нужно вырывать.

102. Всеми страданиями вокруг нас должны страдать и мы. У всех у нас не одно тело, но одно развитие, а это проводит нас через все боли в той или иной форме. Как дитя проходит в своем развитии через все стадии жизни вплоть до старости и до смерти (и каждая стадия, в сущности, от страха или от желания, кажется предыдущей недостижимой), точно так же и мы (связанные с человечеством не менее глубоко, чем с самими собой) проходим в своем развитии через все страдания этого мира. Справедливости при таком положении нет места, но нет места и страху перед страданием или возможности истолковать страдание как заслугу.

103. Ты можешь отстраняться от страданий мира, это тебе разрешается и соответствует твоей природе, но, быть может, как раз это отстранение и есть единственное страдание, которого ты мог бы избежать.

105. Средство, которым обольщает этот мир, и свидетельство того, что этот мир – лишь переход, суть одно и то же. И по праву, ибо только так может нас обольстить этот мир, и так оно в действительности и есть. Но беда в том, что после удавшегося обольщения мы забываем вышеупомянутое свидетельство, и так в сущности добро заманивает нас в зло, а взгляд женщины – в ее постель.

106. Смирение дает каждому, даже отчаявшемуся от одиночества, сильнейшую связь с ближним, причем немедленно, правда, только при полном и долгом смирении. Оно способно на это потому, что оно есть истинный язык молитвы, поклонение и теснейшая связь одновременно. Отношение к ближнему – это отношение молитвы, отношение к себе – это отношение стремления, из молитвы черпается сила для стремления.

Можешь ли ты знать что-либо иное, кроме обмана? Ведь стоит уничтожить обман, как тебе нельзя будет глядеть ни на что, а то превратишься в соляной столп.

107. Все очень ласковы с А. – подобно тому, например, как даже от хороших игроков оберегают превосходный бильярд, пока не явится великий игрок, который внимательно осмотрит доску, не потерпит никаких преждевременных изъяснов, а затем, когда начнет играть сам, разъярится самым неистовым образом.

108. «А затем он вернулся к своей работе, как ни в чем не бывало». Это замечание знакомо нам по неясному множеству старинных повестей, хотя, может быть, не встречается ни в одной.

109. «Что нам не хватает веры, нельзя сказать. Сам факт нашей жизни имеет для веры неисчерпаемое значение». – «При чем тут вера? Ведь нельзя же не жить». – «Именно в этом „нельзя же“ и заключена безумная сила веры; в этом отрицании она получает облик».

Тебе не надо выходить из дому. Оставайся за своим столом и слушай. Даже не слушай, только жди. Даже не жди, просто молчи и будь в одиночестве. Вселенная сама начнет напрашиваться на разоблачение, она не может иначе, она будет упоенно корчиться перед тобой.